ЕЩЕ ничего по сюжету не случилось, еще только-только прошли первые кадры и промелькнула причудливая вязь титров с названием фильма — «Лесная песня. Мавка», а экран уже словно обволокла таинственная и терпкая атмосфера волшебства, неясных предчувствий, смутных преданий — атмосфера поэзии.

Почерк украинского режиссера Юрия Ильенко узнаешь сразу по живописной красоте кадра, емкой образности. Его фильмы похожи на лирические стихотворения, где каждая строфа-кадр самоценна и внутренне закончена, а их прихотливое чередование рождает тонкие и неожиданные ассоциации то с живописными полотнами, то с балетными постановками. Но при всей щедрой, а порой и расточительной изобразительной мощи, при всей их пластической завершенности фильмы Ильенко — явление суть кинематографическое, составляющее ту струю в современном кинопроцессе, которая идет еще от Довженко и, за неимением других терминов, именуется «поэтическим кинематографом». В этой манере сделан и последний фильм Ильенко — «Лесная песня. Мавка», который сейчас идет на экранах республики.

БЕСЕДА В МАСТЕРСКОЙ

ТРИАДА ЮРИЯ ИЛЬЕНКО

— После фильма «Белая птица с черной отметиной», — рассказывает режиссер, — я временно распрощался с поэтикой «поэтического кино», попытался искать себя в других сферах кинематографа. Так появились фильмы «Мечтать и жить», «Праздник печеной картошки», «Полоска нескошенных диких цветов». Но, как говорят в киевском «Динамо», «лучше всего мы играем на своем поле». Поэтому я с большим удовольствием вновь вернулся к тому, с чего начинал...

А начинал Ильенко двадцать лет назад оператором, снимая фильм «Тени забытых предков», вошедший ныне во все антологии современного киноискусства. С редкой красочностью и поэтической пронзительностью в том щедро раскованном фильме воссоздавалась легенда о предательстве и наказании, жизни и любви Ивана и Марички — двух существ, созданных друг для друга в этом светоносном, ликующем и фантастическом мире. В «Тенях...» эстетика «поэтического кино» нашла свое гармоничное и цельное воплощение, оператор здесь был союзником и соавтором режиссера. Именно от этого фильма ведет свою творческую родословную Юрий Ильенко.

— До «Теней забытых предков», — продолжает режиссер, — кинематограф долгие годы воссоздавал жизнь в формах самой жизни, и надо сказать, что на этом пути были достигнуты феноменальные результаты. Скажем, фильм Марлена Хуциева «Мне двадцать лет» и по сей день воспринимается как откровение. А тогда и вовсе на время показалось, что весь мир познается киноискусством в пределах этой эстетики. Но наша жизнь так сложна, многокрасочна, прихотливо изменчива, что исчерпать все ее многообразие в формах повествовательного «под документ» кино невозможно. И как естественное развитие экранного искусства, как движение на пути к обогащению кинематографического языка явилось так называемое «поэтическое кино».

Возможно, более глубокие корни оно пустило на Украине, поскольку восходит к народным истокам мировосприятия. У каждой нации — свои взаимоотношения с действительностью, которые находят свое выражение в искусстве. Из украинского фольклора не вычеркнешь удивительно поэтических преданий, легенд, поверий, как не вычеркнешь из нашей культуры и «Лесную песню» Леси Украинки — этот литературный шедевр, в котором фантастическое тесно сплелось с реальным, а поэзия, воспаряя в заоблачные выси, находится в постоянном контакте с «грешной» землей.

«Лесная песня» Леси Украинки пришла к нам с Волыни с ее глубокими, бездонными озерами, непроходимыми чащами, наивными и трогательными поверьями. Здесь из века в век передавалась красивая легенда о суровом лесовике, лесной русалке Мавке, которую очаровал игрой на дудочке юный Лукаш. Под пером поэтессы этот сюжет приобрел волнующее звучание. Думается, что рано или поздно Ильенко должен был поставить этот фильм — настолько его творческая манера совпадает со стихией этого шедевра. Правда, с другой стороны, подстерегала опасность, что поэзия литературной первоосновы, умноженная на поэзию экрана, может обернуться голой условностью, никак не связанной с сегодняшним днем...

— Поэзия в кино — это не натужная и выспренная поэтизация, оторванная от действительности, а всего лишь — угол зрения на эту действительность. Что такое для меня тот или иной фильм? Громко говоря, это попытка найти истину, которая все время ускользает. Драма Леси Украинки тем меня как раз и привлекла, что давала возможность попытаться что-то понять в нашем мире, на что-то взглянуть по-новому, а отнюдь не возможностью пуститься в безудержное поэтическое формотворчество.

Книга Леси Украинки жила во мне с детства, она формировала мою душу, тревожила память неотступными образами-видениями. Когда я несколько лет назад перечитал драму, то заново пережил потрясение, испытанное в детстве. Хотя произведение и окрашено фольклорной интонацией, а его действие отодвинуто от нас условно-сказочным антуражем, но речь в нем идет о нашей сегодняшней духовной жизни, о человеческих страданиях, страстях, сражении за нравственно полноценного человека, за красоту любви. Поэтому, переводя драму на язык кино, я меньше всего думал о путях этого перевода, постаравшись максимально раствориться, «умереть» в первоисточнике.

«Умирать» в этом фильме Юрию Ильенко пришлось трижды, ведь он выступал сразу в трех лицах: автора сценария, режиссера и оператора. Подобное «триединство» — желанная и, за редким исключением, недостижимая мечта многих кинематографистов. Но, как выяснилось из разговора с режиссером, она отнюдь не сулит безоблачного самовластия на съемочной площадке. Ведь кино — это общеизвестно — искусство коллективное, и творческий потенциал режиссера лишь умножается от сложения разных индивидуальностей.

— Фильм обычно формируется в столкновении разных мнений. На картину собираются люди, которые исповедуют одну веру, и в преодолении — именно в преодолении, а не подавлении — рождается истина. Вот эта работа, которая обычно распределяется на несколько человек, досталась мне одному. Но я был к этому готов, у меня был опыт работы с самим собой. Этот опыт требует не поддаваться первому импульсу, не доверять первому ощущению. Допустим, ты сделал эпизод, и первым делом надо постараться разрушить его. Если он поддается разрушению, значит — надо начинать все сначала. По такому принципу и шли съемки картины, так что внутреннюю работу пришлось проделать большую. Разногласия были крупные, сомнения — чудовищные, и если дело не кончалось рукоприкладством, то только потому, что поколотить сам себя я не мог.

Но были у такого рода работы и свои преимущества. Фильм создается не в кабинете, а на съемочной площадке. И вот сюда-то я приходил готовым, собранным, не теряя времени на технику исполнения. Съемочное время посвящалось собственно съемкам — самому интересному и результативному делу. И если в картине есть ошибки, промахи, недочеты, то они мои, личные.

Талантливые люди обычно талантливы по большому счету. Круг их интересов не замыкается на узком пятачке избранной профессии. Выступив в трех лицах в своей последней картине, Ильенко далеко не исчерпал своих разносторонних способностей. В свободное от съемок время он с удовольствием рисует, коллеги утверждают, что это зрелая и вполне серьезная живопись. Одна из его последних работ — портрет жены с сыном (к слову, жена Юрия — актриса Людмила Ефименко исполнила в «Лесной песне» главную роль). Недавно Ильенко выступил в качестве театрального художника, оформив спектакль Киевской студии киноактера «Лиса и виноград». А еще написал пьесу «Тот, который слышал льва» и собирается ставить ее в театре. Но все это, конечно, слагаемые его главного дела — кино.

— Сейчас я приступаю к съемкам фильма «Легенда о княгине Ольге» по своему сценарию. Это будет рассказ о далеком прошлом Киевского княжества, о становлении и укреплении древнерусского государства. Но это будет не историческая хроника, а продолжение моих поисков в области поэтического кино. Ольга будет увидена на экране глазами четырех людей: летописца, сына Святослава, любимой ключницы и человека, который разгадывал сны. Наш фильм не случайно называется легендой: в нем будут тесно переплетаться сны и явь, реальное и фантастическое, земное и возвышенное — то есть все те «атомы», из которых и состоит воздух далекой истории...